

Нора Галь

Слово живое и мертвое

ФТМ

Нора Галь

Слово живое и мертвое

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145610
Слово живое и мертвое: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-3051-3*

Аннотация

Нора Галь – одно из ярких имен в блистательной плеяде российских литераторов, создавших всемирно признанную школу художественного перевода. Свою славу она заслужила, открыв нам «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Бесценной заслугой Норы Галь остаются ее выдающиеся переводы шедевров современной мировой литературы.

«Слово живое и мертвое» – обобщение многолетнего творчества и самой Норы Галь, и ее замечательных коллег. Вместе с тем эта работа выходит далеко за рамки собственно переводческих проблем. Разбирая типичные ошибки, проникающие в прозу и публицистику, на радио и телевидение, и противопоставляя им блестящие образцы живой русской речи, она вносит неоценимый вклад в столь актуальную ныне борьбу за чистоту и достоинство русского языка.

Содержание

Для ясности	4
1. Берегись канцелярита	8
Откуда что берется?	8
Жечь или сушить?	23
Словесная алгебра	35
А если без них?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нора Галь

Слово живое и мертвое

Для ясности

Автор этой книжки не лингвист и отнюдь не теоретик. Но когда десятки лет работаешь там, где главный материал и инструмент – *СЛОВО*, накапливается кое-какой опыт.

Автору приходилось много учиться, а подчас и учить. Приходилось иногда писать, довольно много переводить, немало редактировать. В качестве переводчика случалось спорить с редакторами, а в качестве редактора – с переводчиками и вообще с людьми пишущими. Порой приходилось яростно доказывать иные спорные и даже бесспорные истины, устно и на бумаге повторять их снова и снова, без конца, самым разным людям, чаще всего молодым. В таких случаях автор вовсе не стремился развивать теоретические положения, а старался показать и доказать на деле: вот так лучше, а эдак хуже, так верно, а эдак неверно.

Так сложилась книжка. В ней не без умысла дано много разных примеров. Если угодно, это отчасти даже справочник, наглядное (но, конечно, отнюдь не всеобъемлющее!) пособие.

Допустим, я говорю: в любой статье, заметке, даже в уче-

ном труде, стократ – в художественной прозе почти всякое иностранное слово можно, нужно и полезно заменить русским, а отглагольное существительное – глаголом. Кое-кто возражает: это, мол, не нужно и ничуть не лучше. Или: это очень трудно, подчас невозможно. Что ж, вот перед вами на каждый случай примеры из практики. Смотрите, сравнивайте и судите сами.

Это – об истинах азбучных. А сверх того, в работе со словом, как и во всяком другом труде, есть и кое-какие тонкости, своего рода приемы – в меру опыта и умения стараюсь кое-что рассказать и о них.

О том, как огромна роль слова, роль языка в жизни человека и человечества, говорится не первый день и не первый век. Об этом говорили и писали величайшие мыслители, ученые, поэты. С этим как будто никто и не спорит. И все же на практике всем нам, кто работает со словом, ежечасно приходится чистоту его отстаивать и охранять.

Каждого ученика, подмастерья, стоящего на пороге любой профессии, где работать надо со словом, хорошо бы встречать примерно так:

– Помни, слово требует обращения осторожного. Слово может стать живой водой, но может и обернуться сухим палым листом, пустой гремучей жестянкой, а то и ужалить гадюкой. И слово может стать чудом. А творить чудеса – счастье. Но ни впопыхах, ни холодными руками чуда не сотворишь и Синюю птицу не ухватишь. Желаем тебе счастья!

Скажут: для чудотворства ко всему нужен талант. Еще бы!

Чем больше талантов, тем лучше. Но надо ли доказывать, что и не обладая редкостным, выдающимся даром можно хорошо, добросовестно, с полной отдачей делать свое дело? А для этого нужно прежде всего, превыше всего – знать, любить, беречь и никому не давать в обиду родной наш язык, чудесное русское слово.

Это – забота каждого настоящего литератора и каждого истинного редактора.

* * *

Снова выходит книжка. И каждое издание приносит новые письма от читателей. О чем-то люди со мной спорят, что-то советуют. Но в главном согласны все. Люди самые разные – вчерашняя школьница и заслуженный профессор-медик, геолог, инженер-строитель, пенсионер и горняк – разделяют тревогу, которой продиктована эта книжка: что же творится с нашим родным языком? Как защитить и сохранить наше слово?

Почти в каждом письме – выписки и даже вырезки: новые образчики словесного варварства. Да и у автора за это время накопилось вдоволь новинок – печальное свидетельство того, что все до единой болезни языка, о которых говорилось в книжке, отнюдь не сходят на нет. Штампы забивают живое, хорошее слово (об этом – главки «Откуда что берется?»),

«Словесная алгебра»), а глагол вытесняют полчища отглагольных существительных («Жечь или сушить?»). Пишущие без конца сталкивают друг с другом слова, не сочетаемые по смыслу, стилю, фонетике («На ножах»), по национальной и социальной окраске («Мистер с аршином»), по чувству и настроению («Когда гложет душа»), калечат исконно русские народные речения и обороты («Свинки замяукали»).

Особенно щедро, увы, пополняет жизнь главки о том, как назойливо захлестывает нас поток иностранных слов («А если без них?», «Куда же идет язык?»), о том, как отвыкают люди обращаться со словами образными, редкими («Мертвый хватает живого»), об ошибках, вызванных недостатком культуры («Предки Адама»).

И практика и письма читателей показывают: штампы и канцеляризмы становятся чуть ли не нормой. Тем важнее с ними воевать – каждому на своем месте.

Некоторые читатели говорили и писали мне, что они пользуются этой книжкой в повседневной работе: редакторы – при правке рукописей, преподаватели – на лекциях и семинарах. Значит, книжка работает. Это – самая большая награда автору.

Сердечное спасибо всем, кто мне писал. И если кому-нибудь из них попадется на глаза это новое издание и он узнает здесь свою лепту, прошу принять за нее мою искреннюю благодарность.

1. Берегись канцелярита

Откуда что берется?

Молодой отец строго выговаривает четырехлетней дочке за то, что она выбежала во двор без спросу и едва не попала под машину.

– Пожалуйста, – вполне серьезно говорит он крохе, – можешь гулять, но *поставь в известность* меня или маму.

Сие – не выдумка фельетониста, но подлинный, ненароком подслушанный разговор.

Или еще: бегут двое мальчишек лет по десяти-двенадцати, спешат в кино. На бегу один спрашивает:

– А билеты я тебе *вручил*?

И другой пыхтя отвечает:

– Вручил, вручил.

Это – в неофициальной, так сказать, обстановке и по неофициальному поводу. Что же удивляться, если какой-нибудь ребяенок расскажет дома родителям или тем более доложит в классе:

– Мы ведем борьбу за повышение успеваемости...

Бедняга, что называется, с молодых ногтей приучен к канцелярским оборотам и уже не умеет сказать просто:

– Мы стараемся хорошо учиться...

Одна школьница, выступая в радиопередаче для ребят, трижды кряду повторила:

– Мы провели большую работу.

Ей даже в голову не пришло, что можно сказать:

– Мы хорошо поработали!

Не кто-нибудь, а учительница говорит в передаче «Взрослым о детях»:

– *В течение* нескольких лет мы *проявляем заботу* об этом мальчике.

И добрым, истинно «бабушкиным» голосом произносит по радио старушка-пенсионерка:

– Большую помощь мы оказываем детской площадке...

Тоже, видно, привыкла к казенным словам. Или, может быть, ей невдомек, что для выступления по радио эта казенщина не обязательна. Хотя в быту, надо надеяться, бабушка еще не разучилась говорить попросту:

– Мы *помогаем*...

Можно, конечно, заподозрить, что тут не без вины и редактор радиовещания. Но ведь и редактор уже где-то обучен такому языку, а вернее сказать, им заражен.

Впрочем, случается и в быту... На рынке немолодая чета соображает, купить ли огурцы. Милая старушка говорит мужу:

– Я ведь почему спрашиваю, ты же сам вчера *ставил вопрос о солке огурцов*...

Детишкам показывают по телевидению говорящего попу-

гая. Ему надо бы поздороваться со зрителями, а он вдруг «выдает»:

– Жрать хочешь?

– Что ты, Петя! Так не говорят. А попугай опять свое...

Попугай – он и есть попугай: что слышал, то и повторяет. Ну а мы, люди? Мы сетуем: молодежь говорит неправильно, растет не очень грамотной, язык наш портится, становится бедным, канцелярским, засоренным. Но ведь ученики повторяют то, что слышат от учителей, читатели – то, чем изодня в день питают их литераторы и издатели.

На кого же нам пенять?

Отлично придумано – по радио учить ребят правильной речи. Мол, неверно сказать: «На субботник пойдут *где-то* триста человек». Не стоит «заменять точное слово *приблизительно* неправильным *где-то*». Справедливо. Хотя еще лучше, думается, было бы не *точное* слово, а *верное* (уж очень плохо сочетается «точное» с «приблизительно»). И лучше и верней было бы, пожалуй, не длинное «приблизительно», а короткое «примерно». Но это уже мелочи. А беда в том, что следом диктор произнес ни много ни мало: «Такие замены не способствуют пониманию вас вашими собеседниками»!!!!

Дали хороший, добрый совет, исправили одну ошибку – и тут же совершили другую, много хуже, подали пример чудовищного уродования речи. Ибо и сами эти тяжеловесные слова, и неестественный, невразумительный строй фразы – все это казенщина и уродство.

Где же, где он был, редактор передачи? Почему не поправил хотя бы уж так: Такие замены *не помогают собеседникам вас понять?*

Неужто не легче и не лучше? А тем более – когда тебя слушают миллионы ребят, которых ты хочешь научить говорить правильно!

Считается несолидным в газетной статье или очерке написать, к примеру: *Мы решили больше не пытаться ...*

Нет, непременно напишут: Мы приняли решение прекратить попытки...

Или о работе экипажа космической станции: *«Проводился забор (!) проб выдыхаемого воздуха»*. Этот забор не залетел бы в космос, если бы не стеснялись сказать попросту: космонавты брали пробы. Но нет, несолидно!

И вот громоздятся друг на друга существительные в косвенных падежах, да все больше отглагольные:

«Процесс развития движения за укрепление сотрудничества».

«Повышение уровня компетенции приводит к неустойчивости».

«Столь же типовым явлением является мотив мнимой матери».

«... блуждание в... четвертом измерении ... окончательное поражение, когда подвергаешь сомнению свое... существование»!

«... С полным ошеломления удивлением участвовал он

мгновение назад в том, что произошло...» Это не придумано! Это напечатано тиражом 300 тысяч экземпляров.

Слышишь, видишь, читаешь такое – и хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать: ***Берегись канцелярита!!!***

Это – самая распространенная, самая злокачественная болезнь нашей речи. Много лет назад один из самых образованных и разносторонних людей нашего века, редкостный знаток русского языка и чудодей слова Корней Иванович Чуковский заклеил ее точным, убийственным названием. Статья его так и называлась «Канцелярит» и прозвучала она поистине как SOS. Не решаюсь сказать, что то был глас вопиющего в пустыне: к счастью, есть рыцари, которые, не щадя сил, сражаются за честь Слова. Но, увы, надо смотреть правде в глаза: канцелярит не сдается, он наступает, ширится. Это окаянный и зловерный недуг нашей речи. Сущий рак: разрастаются чужеродные, губительные клетки – постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро.

И уже не пишут просто: «Рабочие *повышают* производительность труда», а непременно:

«... *принимают активное участие в борьбе за повышение* производительности труда...»... Давно утвердился штамп: ведут борьбу за повышение (заметьте, не борются, а именно ведут борьбу!). Но вот метастазы канцелярита поползли

далее: участвуют в борьбе за повышение – и еще дальше: принимают активное участие в борьбе за повышение...

Таким примерам нет числа. Слишком много пустых, бессодержательных, мертвых слов. А от них становится неподвижной фраза: тяжеловесная, застойная, она прямо противоположна действию, о котором говорит, чужда борьбе, движению, содержательности, экономности. Суть ее можно выразить вдвое, втрое короче – и выйдет живей и выразительней.

Вот тут бы и вмешаться редактору, выбросить все лишнее... Нет, куда там, вдруг выйдет «несолидно»!

А чем больше длинных, казенных слов, косвенных падежей, придаточных предложений, тем, видите ли, солиднее... И уже не разберешь, что с чем связано и что для чего нужно. Да и не нужно тут больше половины! Пять длинных слов да два коротких – там, где хватило бы *одного* слова, причем – что очень важно – одного *глагола*!

Сколько бумаги понапрасну занимают лишние, мертвые слова. А сколько драгоценных радиоминут уходит на них впустую!

Нет, слова-канцеляризмы, слова-штампы не безвредны. Пустые, пустопорожние, они ничему не учат, ничего не сообщают и, уж конечно, никого не способны взволновать, взять за душу. Это словесный мусор, шелуха. И читатель, слушатель перестает воспринимать шелуху, а заодно упускает и важное, он уже не в силах докопаться до зерна, до сути. Вы-

веска на московской улице «Швейно-пошивочная (?) мастерская» — на совести того, кто ее заказал, и видят ее все же немногие. Но по московской радиосети изо дня в день объявляют, что такие-то ателье обслуживают *«население, проживающее»* в таких-то районах, — это уже чудовищно. Видно, невдомек «авторам», что население — это и есть те, *кто проживает*, то есть *население района*, а лучше бы просто — *жители* района.

Читают газеты, слушают радио — миллионы. Они верят: раз уж так пишет газета и вещает радио, стало быть, так можно, так правильно.

Радио сообщает: «В Ульяновске *продолжает работу* международная встреча, посвященная...»

Чуть позже сообщили правильно: «В Ульяновске закончилась встреча ...». А в следующем же выпуске снова: «...закончила свою работу встреча ...»

А через годик попробует иной редактор запротестовать, вычеркнуть откуда-нибудь это самое «*встреча продолжает работу*», и ему возразят:

— Но ведь это вошло в язык!

Немало таких словесных уродцев уже «вошло», непоправимо «вошло» — не выгонишь! Миллионы доверчивых читателей, зрителей, слушателей назавтра подхватывают канцелярский да в придачу безграмотный оборот. И вот пошло все шире, и привилось в обиходе, и уже не поспоришь, и мало кто помнит, что это неверно. Поистине, не из гущи народной

пошло, не народом-языкотворцем создано, а ввели, насадили не шибко грамотные газетчики или редакторы. В лучшем случае – нечаянно насадили, повторили и внедрили чью-то оговорку.

Люди всех возрастов и профессий, ораторы и педагоги, авторы и переводчики не только научных трудов, но – увы! – и очерков, романов, подчас даже детских книжек словно оглохли и ослепли. И вот уже не только неопытные новички, не только безграмотные, случайные полулитераторы или откровенные халтурщики, но подчас и литераторы опытные, одаренные, даже признанные корифеи пишут – и притом в переводе художественном: «В *течение* бесконечно долгих недель (героя романа) мучили мысли, *порожденные состоянием* разлуки»!

А не проще ли, не лучше ли хотя бы: Нескончаемо долгие недели (много долгих недель) его мучили мысли, рожденные разлукой (мучила тоска)?

Или: «Он находился в состоянии полного упадка сил». А разве нельзя: Он совсем ослабел, обессилел, лишился последних сил, силы оставили его, изменили ему?

А уж не корифеи...

«Он владел домом в одном из... предместий, где *проживал* с женой и детьми» – прямо справка из домоуправления, а не слова из романа!

«Да и кто принимает любовника в митенках? Ведь это *создаст неудобства*»!!! Совсем как табличка в подъезде: «Бе-

регите лифт, он создает удобства».

Из «художественного» перевода: «...совсем *особый характер* моря: *с этим последним происходили* какие-то быстрые перемены»; «...волос, зажатый между большим и указательным пальцами, *свисал без малейшей возможности уловить его колебание*»; «Порывы ветра *превосходили своей ужасностью* любую бурю, *виденную мною ранее*»; «*Обособленное облако, которое заслуживало внимания ...*»

Так и напечатали! И покорнейше прошу помнить: в этой книжке нет выдуманных примеров, все – подлинные.

Из радиопередачи, да не какой-нибудь, а под названием «Портрет поэта»: «Поистине счастливым поэт может *считать себя*, когда он чувствует *свою необходимость* людям». Отчего бы не сказать по-людски: Поистине счастлив поэт, когда чувствует, что нужен людям.

Или в очерке о Хемингуэе: «*он понимаем нами* потому...» вместо *мы понимаем его ...*

В живом хорошем очерке вдруг читаешь: «Горы должны делать человека сильнее, добрей, душевней, талантливей... И они *совершают этот процесс*»!!! Судите сами – плакать или смеяться?

Из переводного романа:

«Он был во власти странного оцепенения, точно все это происходило во сне и вот-вот наступит пробуждение... Одолев столько кризисов, он словно утратил способность к эмоциям. Воспринимать что-то он еще мог, но реагировать на

воспринимаемое не было сил».

А ведь можно сказать хотя бы:

Странное чувство – будто все это не на самом деле, а на грани сна и яви. Он словно оцепенел, после пережитого не хватало сил волноваться. Он был теперь ко всему безучастен.

Уж наверно, никто не жаждет уподобиться знаменитому чеховскому телеграфисту, о котором памятно сказано: «Они хотят свою образованность показать, всегда говорят о непонятном». И однако многие, нимало не смущаясь, пишут: «Очарование (героини) *состоит в органичности ее контрастов*»! И это не перевод!

«...холод, как и голод, не служил для них *предметом* сколько-нибудь *серьезной заботы* – это был один из неотъемлемых элементов их быта».

Это не официальная информация и не ученая статья, а хоть и научно-фантастический, но все же роман. Речь идет о дикарях, о первобытных людях. И право, ни суть сказанного, ни научность, ни фантастичность, ни читательское восприятие не пострадали бы, если написать:...холод, как и голод, *мало их заботил* – они издавна к нему *привыкли* (или, скажем: другой жизни они никогда и не знали).

Зачем писать: «...авторитет мой возрос. Или *если не авторитет*, то, во всяком случае, *внимание*, с каким *относились* ко мне окружающие и которое слегка напоминало благоговейный страх здоровых людей, *прислушивающихся к мнению явно недолговечного человека*».

Ни мысль, ни выразительность, право, ничего бы не утратили, скажи переводчик хотя бы: Я сразу вырос в глазах окружающих. Во всяком случае, ко мне стали прислушиваться с каким-то суеверным почтением – так здоровые люди слушают того, о ком известно, что он не жилец на этом свете.

«Сейчас было непохоже, чтобы она стала иронизировать, сейчас она была слишком серьезна, да, именно так, ее *взгляд* был серьезным; то, что он принял за *пустоту*, было *отсутствием ее привычной веселости*, это и делало ее *лицо* таким незнакомым, таким чужим. Он же должен был сейчас открыться ей, ведь именно этого требовал ее *взгляд*, он должен был говорить, объяснять, но разве это возможно перед таким чужим лицом, не обнаруживающим никакой готовности к пониманию?»

Тяжело, невнятно, скучно... а ведь это о человеческих чувствах, о трудном переломе в отношениях людей! Не лучше ли было хоть немного прояснить фразу? Хотя бы:

Да, именно так, *она смотрела серьезно*, *взгляд* был не пустой, нет, но ему не хватало привычной веселости, оттого ее *лицо* и стало таким незнакомым... Надо сейчас открыться, этого и требует ее *взгляд*, надо говорить, объяснять... но как объяснить (или – но разве это возможно), когда *у нее такое чужое* (отчужденное), *замкнутое* *лицо* (или – когда по *лицу* ее сразу видно, что она вовсе не хочет услышать его и понять)...

Отрывки эти взяты из разных переводных романов, пере-

водили их разные люди, с разных языков. Но дело не в переводе: сами подлинники вовсе не требуют такого сухого, канцелярского стиля и строя фразы. Дело в отношении к *русскому* языку, к *русской* речи. Подобного сколько угодно и у авторов, пишущих по-русски.

У нашего современного прозаика читаем: «Этот маленький, щуплый человечек сразу как-то преобразается, глаза становятся колючими, волосы *кажутся ставшими дыбом*».

У другого: «*Дочерчивание* линии происходит с *тщательностью* чертежника-ученика, высунувшего язык от старания».

Кто-то может, точно ученик, высунуть от усердия язык, но как представить *дочерчивание* с высунутым языком?

Ребенок поцеловал усталую мать – и «в лице (ее) появилось какое-то неувловимое *просвежение*». Очевидно, лицо ее просветлело?

И даже у талантливого мастера герой оказывается «*в состоянии неудовлетворенного возмездия*», как будто мучается тем, что *не получил возмездия!* А ведь смысл – что его сжигает, терзает, мучит жажда мщения (мести)!

* * *

Так что же он такое, канцелярит? У него есть очень точные приметы, общие и для переводной и для отечественной

литературы.

Это – вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит – застойность, неподвижность. И из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву.

Это – нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего длинные цепи существительных в одном и том же падеже – родительном, так что уже нельзя понять, что к чему относится и о чем идет речь.

Это – обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими.

Это – вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими.

Это – тяжелый, путаный строй фразы, невразумительность. Несчетные придаточные предложения, вдвойне тяжеловесные и неестественные в разговорной речи.

Это – серость, однообразие, стертость, штамп. Убогий, скудный словарь: и автор и герои говорят одним и тем же сухим, казенным языком. Всегда, без всякой причины и нужды, предпочитают длинное слово – короткому, официальное или книжное – разговорному, сложное – простому, штамп – живому образу. Короче говоря, канцелярит – это мертвечина. Он проникает и в художественную литературу, и в быт, в устную речь. Даже в детскую. Из официальных материалов, из газет, от радио и телевидения канцелярский язык переходит в повседневную практику. Много лет так читали лекции,

так писали учебники и даже буквари. Вскормленные языковой лебедой и мякиной, учителя в свой черед питают той же сухомяткой черствых и мертвых словес все новые поколения ни в чем не повинных ребятишек.

Так нахально «входят в язык» все эти канцеляризмы и штампы, что от них трудно уберечься даже очень неподатливым людям, и тогда, как бы защищаясь, они выделяют эти слова иронической интонацией.

Вот горькие, но справедливые строки из письма одной молодой читательницы автору этой книжки: «Мы почти не произносим открытого текста, мы не строим больше нашу речь сами, а собираем ее из готовых стандартных деталей, но подчеркиваем „кавычками“, что делаем это сознательно, что понимаем все убожество нашего материала. Мы повторяем те же ненавистные штампы, выражая свое отношение к ним лишь негативно, ничего не создавая взамен».

Думается, это – голос того поколения, перед которым виноваты мы, старшие. Но и в этом поколении уже не все понимают, что утрачено. А что же достанется внукам?

Ох, как хочется в иные минуты кричать «караул»!

Люди добрые! Давайте будем аккуратны, бережны и осмотрительны! Поостережемся «вводить в язык» такое, что его портит и за что потом приходится краснеть!

Мы получили бесценное наследство, то, что создал народ за века, что создавали, шлифовали и оттачивали для нас Пушкин и Тургенев и еще многие лучшие таланты нашей

земли. За этот бесценный дар все мы в ответе. И не стыдно ли, когда есть у нас такой чудесный, такой богатый, выразительный, многоцветный язык, говорить и писать на канцелярите?!

Жечь или сушить?

Не всякий пишущий способен глаголом жечь сердца людей. Но, казалось бы, всякий писатель к этому стремится. А для этого *глагол* – то есть *слово* – должен быть жарким, живым.

Быть может, самое действенное, самое взволнованное слово в нашем языке – как раз глагол. Быть может, не случайно так называется самая живая часть нашей речи.

Громоздкими канцелярскими оборотами жечь сердца, затронуть душу довольно трудно.

Обилие существительных, особенно отглагольных, тяжелит и сушит речь. Фраза со многими косвенными падежами неуклюжа и неходочлива. Причастия и деепричастия, слова вроде *вращающиеся, находившиеся, выращиваемые* тоже не делают прозу благозвучной, ясной и никого не взволнуют. Во всем этом нетрудно убедиться. К примеру, авария на корабле, люди на краю гибели – и вот как в двух вариантах рассказано о капитане:

...Под влиянием длительного непрекращающегося напряжения он словно утратил способность к критическому суждению

Эти тревожные дни дались ему нелегко, и он словно разучился критически мыслить (ясно понимать происходящее, трезво судить о том, что происходит).

Я почему-то почувствовал сильное ощущение одиночества.

Мне почему-то стало очень одиноко.

Заметьте, варианты, напечатанные справа, – вовсе не лучшие из всех возможных. И все же едва ли человек с нормальным зрением и слухом предпочтет им то, что вы видите слева. Однако в печать очень часто попадают именно варианты «левого» типа.

По мере приближения момента встречи с нею

Чем меньше времени оставалось до встречи с нею

Это не может не явиться плодотворным поводом для размышлений

Тут есть о чем задуматься

Это – перевод книги современной, даже очень современной. А вот, не угодно ли, каким предстает в переводе писатель-классик:

«Способность к усыплению»; «Я попытался привести себя в бодрствующее состояние»;

«Нет возможности составить догадку о нашем местоположении»; «Сброд, обладавший огромным перевесом» (тут не сразу поймешь, что герои столкнулись с толпой и сила оказалась на стороне этого сброда).

Есть такая болезнь – водобоязнь. А многие литераторы, увы, страдают *глаголобоязнью*. И неизменно шарахаются от глагола, от живой воды языка, предпочитая всяческую сухомятку.

Журналист (да притом еще и поэт) пишет в газете: герой делает то-то и то-то, «заходя в иные *измерения* с целью *преодоления расстояния*». Как же ему, поэту, не резнули ухо эти скучные отглагольные окончания? И что это, как не глаголобоязнь?

Два автора в полной бурных событий повести пишут: «... можно было встретить любое *нападение*. Первое *погружение* (под воду) принесло *разочарование*, хотя вода была на *удивление* прозрачная».

Ну что это такое, в самом-то деле! Зачем такой нудный протокольный стиль, такой беспросветный канцелярит? А ведь из четырех отглагольных существительных двух легко избежать: Первое погружение нас *разочаровало*, хотя вода была *удивительно* (на редкость) прозрачная.

Что лучше, уместнее в современном романе или рассказе (а тем более очень современном, научно-фантастическом):

Выслушайте мое предложение.

Вот что (или послушайте, что) я предлагаю.

Это не способствовало искоренению недуга. Не помогало искоренить (хотя бы так!). Воспоминание было нежелательно.

Я не хотел вспоминать (или просто – не хотелось).

Мы воздержались от заявления о дне старта.

Мы не сообщали...

В глазах (у пса!) было выражение такой беззащитной доверчивости ...

...смотрел так беспомощно, так доверчиво...

Рассказ одного из мастеров современной английской прозы:

«...В оклипании занятых такси есть что-то еще более унижительное, чем в заигрывании с девушками, идущими на свидание». Не лучше ли: окликать ... такси почему-то еще унижительней, чем заигрывать с девушками, идущими на свидание? Избавьте фразу от лишних канцеляризов – и она станет более свободной, гибкой, да и просто лучше прозвучит.

Десятки, сотни раз читаешь: *испытывал чувство счастья*, горечи, досады – там, где куда лучше сказать: *радовался, горевал, досадовал, либо, на худой конец, – был огорчен, был счастлив.*

Никакой жалости к ней он не испытывал.

Он нисколько (ничуть) ее не жалел.

Даже к собственной дочери он испытывал недоверие.

Даже собственной дочери он не доверял.

Он испытал сильное головокружение.

У него закружилась голова (а может быть, и подкосились ноги!).

Впал в *состояние прострации* – сказано там, где верней и выразительней просто: *оцепенел.*

Он *почувствовал страх* (ужас) – а лучше: *ему стало страшно* (или, смотря о ком и о чем речь, – он *испугался*,

струсил, струхнул, его охватил, им овладел ужас).

В огромном, подавляющем большинстве случаев лучше заменить существительное (особенно отглагольное!) глаголом. Право же, от этого любой текст станет понятнее, живей, выразительней.

Мысль... произвела на меня слишком ошеломляющее впечатление.

...слишком меня ошеломила

Я был с ним отчасти согласен, но удовольствие, которое я испытывал, штурмуя гору, сознание, что нога человека никогда еще здесь не ступала, а также радость, доставляемая мне созерцанием все расширявшегося ...пейзажа, – были для меня достаточной наградой.

Он был, пожалуй, прав, но мне (весело) радостно было штурмовать гору, знать, что до меня здесь еще не ступала нога человека, я с восторгом смотрел на великолепную картину (любовался картиной), которая все шире раскрывалась передо мною, и не нужно мне было другой (лучшей) награды.

«...Мы остановились... чтобы выяснить... названия мест, где были совершены нападения ... на людей, и их (нападений или людей?!) точные даты ...»

Это не протокол, это рассказ охотника о событиях драматических, об охоте на тигра-людоеда. И надо было перевести: чтобы выяснить точно, где и когда тигр напал на лю-

дей. Снова и снова говорится, что зверь *совершил нападение*, а нельзя ли просто – *напал*?

«...Викинг... начал преследование». Не лучше ли: пустился преследовать врага, кинулся вслед, вдогонку.

«Черные лодки и одежды гребцов *создавали впечатление* армады тьмы» – право, *впечатление* оказалось бы сильнее без этого канцеляризма и двух родительных падежей. Стоило перестроить всю фразу, к примеру: Лодки были черные, и *гребцы тоже в черном*, – казалось, *надвигается армада тьмы*.

«Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли» – тут даже не сразу поймешь, что к чему. Приплыли-то не просто гости, а враги, но эту тяжелую, громоздкую фразу можно понять и в обратном смысле. А верней бы сказать: *Теперь уже не оставалось сомнений* (а лучше – *стало ясно*), что *приплыли они как враги*.

От пристрастия к существительным и нелюбви к глаголам получаются самые разные корявости и нелепости.

Диктор читает по радио: «Наш союз *положил конец* тому *положению*, когда...» Получилось «масло масляное». Избежать этого было проще простого – обойтись без лишнего существительного:... *покончил с тем положением*... Пишут: «Произведено (!) столько-то *награждений*», а можно: *наградили* столько-то человек.

Драматический рассказ. Беглец ищет временного прибежища, где он «сможет спокойно все обдумать, переждать, по-

ка не прекратят *его поиски*».

Читатель все-таки догадывается, что *его поиски* — это значит: ищут самого героя, а не он чего-то ищет... Но не лучше ли сказать ясно: пока его не перестанут разыскивать?

Современный рассказ, перевод с фламандского: «Женщина была слишком непривлекательной и истощенной. Ни один мужчина не соблазнится *такой неряхой, пропахшей нищетой*...» Совпали падежи — и опять не сразу поймешь, что к чему относится.

* * *

Иные авторы глаголом буквально брезгуют: слишком-де прост, несолиден. Заменяют его не только длинными цепями существительных в косвенных падежах, но и гирляндами причастий и деепричастий — так выходит официальнее и потому внушительнее на взгляд литератора, который словечка в простоте не скажет.

В английской и французской речи причастия и деепричастия встречаются куда чаще и звучат куда разговорней, непринужденней, чем в речи русской. Еще в прошлом веке деепричастия хлынули к нам вместе с другими галлицизмами, не в диковинку было высмеянное Чеховым незабываемое: «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа».

Живой, тем более *современной* русской речи деепричастия не очень свойственны, и причастными оборотами люди

тоже говорят редко, разве что в официальных и торжественных случаях, обычно – читая по бумажке. Деепричастие у нас признак либо речи книжной, либо – на другом полюсе – речи не вполне литературной, областной: *я вставили, он не евши*.

В литературе причастиями и деепричастиями надо пользоваться с оглядкой. Два-три деепричастия в одной фразе, особенно в сочетании с причастиями, почти всегда тяжелы и неестественны, затрудняют восприятие.

«Он был абсолютно прав, спрашивая вас...» – да полно, говорят ли так живые люди? Не естественней ли: Он совершенно прав (он правильно сделал), что спросил вас...

«Мощные прожекторы *были направлены* вверх, *облегчая* кораблю посадку». А правильно было бы: ...*направились* вверх, они *облегчали* ... либо уж: ...*направленные* вверх, *облегчали* ...

Страсть к деепричастиям нередко ведет к хрестоматийной классической ошибке.

«*Производя измерения, линейка* невольно задевала то одного, то другого» – это уже совсем по чеховской «Жалобной книге»! Производила измерения все же не сама линейка, *ею* задевал соседей *тот, кто* производил измерения!

И опять ошибка (притом у человека одаренного, культурного – настолько въелись в обиход и сбивают с толку неточные деепричастные обороты!):

«...*Глядя* на нее... и *слушая*, как она болтает, вас охва-

тывало щемящее чувство жалости».

Зачастую даже оригинальный автор, тем более переводчик, загипнотизированный французским подлинником или каким-нибудь английским «ингом», путает последовательность времен и событий. Это ошибка обычная и притом коварная: не всякий редактор ее замечает. И вот вышла книжка, а в ней: «*Покинув ... свой письменный стол, он отправился исследовать подвалы, не обнаружив там... ничего зловещего*».

Выходит, что герой сперва не обнаружил ничего там, куда потом отправился! При том, что одно деепричастие уже есть в начале фразы, правильней и грамотней было бы сказать: *отправился обследовать подвалы, но не обнаружил там...*

Или: «Я тащился домой, *скорчившись* за рулем, и *приехал* поздно, *застав* квартиру пустой». Тут не только плохи два разных деепричастия рядом, но и прямая ошибка со вторым: ведь *сперва* приехал, а *потом* уже (*приехав!*) застал.

Или: «Он куда-то *убежал*, *вернувшись* только к вечеру»! А естественно сказать, что человек убежал и вернулся только к вечеру. Иначе получается обратный смысл: вернулся только к вечеру – и *потом* *опять* куда-то убежал!

Русский язык и здесь дарит нам самый верный и надежный способ избежать тяжеловесности, нелепостей и прямых ошибок: все тот же глагол.

Героиня «*вошла и завизжала, выскочив* из комнаты». Попробуйте понять, завизжала она, когда *вошла* и увидела что-

то страшное, а потом уже выскочила? Или с визгом выскочила? Как будто визжит уже тогда, когда выскочила, но психологически это меньше всего похоже на правду.

А между тем проверить себя несложно. Довольно подставить, как в алгебраической формуле, какие-то самые простые значения. К примеру: *проснувшись, я делаю зарядку*, но едва ли наоборот: *я просыпаюсь, делая зарядку!* И все же часто фразу строят именно так.

* * *

Едва ли стоит сводить *деепричастие с причастием*: «...дымок, *поднимающийся* над жареной картошкой, *отражаясь* в зеркалах...»

Или: «...волокли человека без пиджака, *не переставая* что-то *вопившего*». Было бы правильно, если бы деепричастие относилось к сказуемому (*волокли, не переставая* делать что-то еще), а тут лучше, вероятно: *он* (ясно ведь, что не пиджак!) *не переставая* что-то *вопил*.

Такие столкновения далеко не всегда правильны, и чаще всего их воспринимаешь с трудом. Тем более незаконно для русского языка деепричастие, относящееся к существительному. Однако встречается и такое, да еще у серьезного критика, который в газетной статье поучает талантливого писателя: «...не может пройти бесследно эта бесконечная смена миров, *попадание* из одного в другой, *не успевая* заскочить в

собственный...» Школьнику за это «попадание не успевая», пожалуй, вlepили бы двойку! А вся беда от того же: отглагольное существительное предпочли глаголу.

«И никто не увидит нас *вернувшимися* обратно» – а по смыслу и логике надо: очевидно, мы не вернемся (никто нас больше не увидит).

«Старик чувствовал себя *преданным*» – это уже не перевод, так написал большой, хороший писатель. Его подвел пассивный оборот, было бы лучше – чувствовал, что *его предали*, ведь *преданный* сперва ощущается как *верный*! Нечаянность, обмолвка, с кем не бывает... А вот совсем другой почерк:

«...он видел себя (с близкой женщиной) вдвоем на... пляже *наслаждающимися* миром и покоем...»

Да разве не естественней хотя бы: он представлял себе, рисовал в воображении, он уже мысленно видел, как *они наслаждаются* ...

«Он... почувствовал себя *преследуемым, совершающим* все свои поступки *под воздействием* какой-то роковой пружины».

И от этих корявостей и нелепостей снова мог бы спасти глагол. Хотя бы: Ему чудилось, будто *его преследуют*, будто он *действует* под нажимом, давлением пружины.

Из другого перевода. О дятлах на дереве: «...два сумасшедших рыжеволосых врача, простукивающих грудь пациента и восхищенно хихикающих над обнаруживаемыми ими

симптомами болезней: червоточиной... пятнами гнили и полчищами личинок... грызущих их пациента». Весь строй и самое звучание этой фразы – свист, шипение, чихание – выдают совершенную глухоту переводчика. А ведь так легко перестроить:...два рыжих врача простукивают ... и хихикают, обнаруживая (находя) симптомы болезней: червоточину... пятна гнили и полчища личинок, что (или – которые) грызут их пациента. Все тот же спасительный глагол мгновенно преобразует фразу, она становится более четкой, чистой, динамичной.

Грустно, что до этого не додумался переводчик, этого не присоветовал вовремя редактор. Поменьше стало бы причастий, совпадающих косвенных падежей, шипящих согласных, зато побольше ясности. Было бы легче понять и представить себе тот образ, картинку, которую хотел нарисовать автор. А значит, и автор и читатель только выиграли бы. Но... напечатан, к сожалению, именно путанный, причастно-деепричастный вариант – *шипящий, свистящий, чихающий*, а главное, тяжелый и невнятный.

Словесная алгебра

«По сведениям, поступавшим из разных источников» – это не сообщение ТАСС, это говорит живой человек! Почему же не сказать живыми человеческими словами: Как я понял по рассказам, как рассказывали мне разные люди...

Справедливо писал когда-то с гневом и горечью Ефим Дорош:

«По местному радио передают объявления о работе агитпунктов. В конце каждого объявления одна и та же фраза: „После доклада – культобслуживание“. Концерт, надо полагать, или кино. Как-то незаметно в минувшие годы сложился этот холодный, мертвенный язык:

„головной убор“, „городской транспорт“, „осадки“... Что это, боязнь конкретности, пускай не осознанная, боязнь подробностей? Тяготение к выхолощенным абстракциям? Любовь к выпренности? Или же стремление привести все к единой норме?»

Спору нет, изредка чисто канцелярские слова и обороты даже нужны – для портрета или речи сухаря-чиновника, для «жанровой сценки» в совершенно определенном духе. Но тем важнее, чтобы весь окружающий текст и речь других людей были совсем иными – живыми, естественными. Вот тогда ярче, отчетливей станет ироническая или осуждающая характеристика.

Взять, к примеру, острый, насмешливый памфлет «Закон Паркинсона», напечатанный когда-то в журнале «Иностранная литература». Вот тут канцеляризмы на месте! От них памфлет еще злей, смешней и беспощадней, это – сознательный прием. Но и «Закон Паркинсона» был бы скучен и одно-тонен, будь игра построена только на одних канцеляризмах.

Беда, если канцеляризмы присущи самому переводчику, писателю. В огромном, подавляющем большинстве случаев лучше заменить официальное или книжное слово – разговорным, длинное – коротким, сложное – простым, стертое, безликое – конкретным, образным. Этому не так уж трудно научиться даже без постоянной подсказки редактора стороннего – с помощью внутреннего «саморедактора», воспитывая собственное ухо и глаз. И быстро убеждаешься: это вовсе не ведет к упрощению или старомодности, ничуть не бывало! Это лишь очистит и прояснит любую прозу. Напротив, казенные, необязательные слова, слова-штампы всякую фразу только засоряют и запутывают.

Очень, очень редко уместно официальное: *Почти всегда можно и нужно сказать просто: следовательно значит, стало быть действительно в самом деле, впрямь, вправду, по-настоящему заблаговременно заранее, вовремя, загодя направлялся шел произошло, происшествие случилось, случай лично, самолично сам обнаружил увидел, заметил, нашел, открыл не выразил никакого удивления ничуть не удивился не стояла необходимость неза-*

чем было на расстоянии ста миль за сто миль по мере удаления чем дальше не играет никакой роли неважно на протяжении (по истечении) двух часов за два часа, через два часа, два часа спустя в южном направлении к югу, южнее ЭТО вызвало у меня раздражение я злился, сердился, досадовал.

Кстати, «раздражение» подчас отдает медициной (раздражение и покраснение кожи!), почти всегда лучше – злость, гнев, досада.

Часто пишут так:

Когда можно хотя бы так:

Все это послужило причиной ужасной неприятности. Из-за этого вышла (получилась) большая неприятность. У меня были кое-какие знания по археологии.

Я кое-что понимал, смыслил (немного разбирался) в археологии.

Посмотрел перед собою

Посмотрел вперед

Плохой я судья человеческих сил и способностей, если эта женщина не отберет у тебя твоего приятеля.

Либо я ничего не понимаю в людях, либо она отобьет у тебя...

Это самое большое наслаждение в моей жизни – посидеть вот так в одиночестве, в темноте, окруженным батареями пишущих машинок.

Люблю посидеть вот так в одиночестве (или – один): тихо,

вокруг ни души, только батареи пишущих машинок, для меня это самое большое наслаждение (или – первое удовольствие, или даже – что может быть лучше, приятнее).

Глядя на великолепное зрелище морского простора
Любуясь морским простором

Несмотря на полное отсутствие физического сходства, она чем-то напоминала ее.

Внешне (с виду) она была совсем не похожа на... и все же чем-то напоминала ее.

И в романе, особенно не современном, вместо «в соответствии со своим характером» лучше написать «в согласии ...».

В переводном рассказе о балованной жене читаем: «К сожалению, *это* в каждом случае оказывалось сопряженным с очень большими расходами».

Тяжело, скучно, неуклюже – все тот же канцелярит! И еще своего рода *языковая алгебра*. Ведь словечко *это* – безличный алгебраический значок. Довольно подставить конкретное значение – и фраза оживет: На беду, всякий раз *ее* *прихоти обходились слишком дорого* (стоили огромных денег).

Словесные иксы и игреки, всякие *this, that, it*, несчетные *он* и *она* почти всегда, за редчайшими исключениями, лучше в переводе раскрывать, расшифровывать. Одно дело – писательский прием, своеобразная манера, допустим, Хемингуэя с постоянными «сказал он», «сказал я». Это отлично выразили по-русски наши мастера еще в 30-40-х годах. Но со-

всем другое дело – особенности чужого языка, чужого строя речи механически переносить в русский перевод, в русскую книгу.

В английском, во французском тексте обычны безликие *the man, the woman, cet homme, the person*. По законам языка артикль или местоимение обязательны, без них обойтись нельзя: по ним француз или англичанин тотчас понимает, о ком или о чем речь. Русскому существительному этот «почетный караул» вовсе не нужен. И потому в переводе куда лучше, естественней не повторять снова и снова *он* или буквально – *этот человек, эта женщина*, а подставить либо имя героя, либо то, что в нем главное (мальчик, солдат, старик, прохожий). И если в подлиннике *the creature* или *l'animal, la bête*, вместо *животного вообще* тоже надо бы подставить что-то определенное – собака, лошадь, кошка.

Чем конкретнее слово, тем лучше, образней, убедительней текст (все равно, оригинальный или переводной) и тем меньше нелепых сдвигов и ошибок.

По-английски можно в сущности о любой живой твари сказать *creature*. Но если зверолов, перечисляя всех, кого поймал, говорит: «животные, например *колибри*», это чуть смешно. Да, для науки и крохотные пичуги, и змеи – животные, но в рассказе все же лучше что-то другое, смотря по контексту (в данном случае – подопечные, пленники, пассажиры).

Незачем, к примеру, *the planet's early life* переводить

«древние *представители органической жизни*». Это без всякого ущерба можно передать проще и короче: *первобытные твари* или *существа*, на худой конец – *организмы*. Ни к чему казенное «человек учился *использованию сил природы*» (отглагольное существительное, два родительных падежа кряду!). Лучше – учился *обуздывать, покорять* эти силы. Тем более, что и в подлиннике не стандартное, бесцветное use, а более живое, образное harness.

Обычное английское human being в переводе лучше заменять естественным *человек*, и напрасно порой допускают уродливую кальку «человеческое существо»! Лишь очень редко, в произведениях старой классики, уместно какое-нибудь (может быть, даже прелестное) *создание*.

«Есть одна *особа* – она добра, чиста, преданна, она любила бы меня». Это перевод одного старого романа. В подлиннике даже не person, просто one. И куда вернее, естественней по-русски: Есть одна *чистая душа* – добрая, преданная...

«Седая, исхудавшая, беспомощная *фигура*» – сказано о старике, и хочется эту «фигуру» расшифровать, обратить некий икс в конкретный образ. Допустим, нельзя просто «старик» – рядом «состариться» (впрочем, можно заменить: одряхлеть, прожить свой век). Но в полном согласии со стилем автора можно найти иную замену, пусть даже «тень», только бы не переносить из чужого языка бесцветное, обобщенное figure.

Или: «*Фигура* женщины поместилась в карету» – право

же, лучше бы сама эта женщина уселась в карету. Без словесной алгебры стало бы живее, зримее.

А сколько этих *фигур*, уже не навязанных иноязычным подлинником, наши авторы пускают разгуливать по страницам отечественной прозы!

Еще один распространенный алгебраический значок, обычный штамп и живучий паразит нашей речи – расхожее словечко *вещь*. «Я тебе скажу одну вещь» – а верней бы: *вот что* я тебе скажу (если за этим следует что-то конкретное), либо, напротив: я тебе *кое-что* скажу. В перевод эти *вещи* попадают еще и по милости французского chose, английского thing. А куда как лучше получается без этой пустопорожней скорлупки.

«Странная вещь, до чего она меняется...» – так в хорошем переводе думает о женщине герой одного хорошего романа.

Не лучше ли: *Странно* (или – *как странно, вот странно*), до чего она меняется...

А в плохом переводе встретишь и такое: «Похороны на море *не входят в число радующих* зверолова *вещей*».

Или человек кричит со сна. «С ним и после бывали такие *вещи*». А почему не: *бывало такое, так бывало*.

Старик думает о смерти: «*Одна вещь* печалила его в предчувствии конца». А по-человечески было бы: *Только одно* его печалило.

Даже когда «вещи» употреблены в не столь отвлеченном и обобщенном смысле, они отнюдь не украшают художествен-

ную прозу и лучше обойтись без них.

Героиня одного романа, как уверяет переводчик, «*пела восторженные дифирамбы*» другой, которая «*была так очаровательна и так превосходно умела носить вещи*». А здесь по смыслу, по интонации верней бы: первая *восхищалась* второй, *превозносила* ее (хвалы эти произносятся не в лицо, а за глаза) – она... *так хорошо одевалась!*

Французское *qualite*, английское *quality* часто переводят первым по словарю значением – *качество*, а оно гораздо чаще означает *достоинство*. Мать мечтает, чтобы сынишка «*унаследовал все качества отца, не будучи ...*» – она не договорила, отец малыша погиб слишком недавно, она еще не смеет вслух заговорить о его *слабостях*, но видеть в сыне хочет явно не *все* отцовские *качества*, а именно *достоинства*.

«Я слыл человеком щедрым и действительно был таковым». А надо бы: так оно и было, и это была правда, и в самом деле скуп не был.

Или: «В этой сфере (герой) хочет быть единственным, и он им остается». А по-русски естественней: и ему это удастся (либо – и добивается своего).

– Непременно пойди навести мать.

– Да, я это сделаю.

Опять ответ буквальный, дословный.

Англичанин не повторит один и тот же глагол дважды, а на второй раз заменит его универсальным *to do*. Но по-русски говорят: Да, я *пойду*, а лучше – *да, конечно (непременно)*.

И однако опять и опять, даже в очень современной прозе, где нужна особенно свободная, непринужденная интонация, читаешь все то же:

«Возьми (пленника) себе. Храни его хорошенько». И в ответ буквальное, скучное, вымученное: «*Я это сделаю*». А в согласии со всем тоном рассказа, с нравом говорящего надо куда непринужденнее: а как же! (или – *еще бы!*).

Словесная алгебра присуща отнюдь не только переводу, она тоже признак канцелярита, ее сколько угодно и в наших журналах, газетах, книгах. И она всегда портит, сушит, обесцвечивает любой разговор и любую повесть.

А если без них?

Влюбленные повздорили. После размолвки, оставшись один, влюбленный юноша старается понять: как это случилось? Думает он об этом так: «Мы совершили ошибку, и вот ее неизбежный *результат*».

А дело-то происходит в середине XVIII века, и герой романа – хоть и грамотный, но простодушный юнец, притом недавно из деревни. Отчего же он так странно выражается?

Да оттого, что у автора-англичанина есть слово *result*. И переводчик, возможно, рассудил: зачем это слово переводить, существует же оно и в русском обиходе. А возможно, и не рассуждал, а попросту механически перенес этот самый *результат* в русский текст.

А *результат* ни ко времени, когда разворачивается действие романа, ни к обстоятельствам (ссора влюбленных!), ни к характеру героя никак не подходит. Куда правдоподобней в устах этого героя прозвучало бы: и вот к чему она (ошибка) привела, и *вот что из этого вышло*.

Тот же юноша (весь роман написан от его лица) говорит: «Я долго бродил в одиночестве и читал сам себе *нотации*». Пожалуй, он еще мог бы читать себе *нравоучения*, а в согласии с его характером и с эпохой вернее: *сам себе выговаривал, осыпал себя упреками*.

А вот другая книга, где тоже рассказ идет от первого лица,

то есть требует особенно естественной, непринужденной интонации, да и герой-рассказчик еще моложе – совсем мальчишка, ему всего 14 лет, и время еще более раннее – XVI век... И однако в переводе он изъясняется то как современный архитектор, то как музыкальный критик: «Планировка города» – там, где можно хотя бы: *расположение улиц*. «Я хорошо помнил... *модуляции ее голоса*», а можно: *переливы* или – как звучал ее голос.

«Я... *првоожу рекогносцировку*» – говорит не военный, а одна женщина другой о своих попытках *нащупать почву, разузнать*, как бы той помочь.

В романе о жизни венгерской деревни, притом деревни не современной, а XVII века, герой выражается так: «Перед лицом *компетентных* судей... я изложу оправдывающие меня *моменты*».

«Ситуация развивалась по инерции» – и это о любви...

Читаешь такое – и уже не веришь ни авторам, ни героям, ни их чувствам. Потому что слышишь не крестьян Средневековья, не романтических юнцов – современников Шекспира или Наполеона, не живых мальчишек и девчонок, а заседание вполне современного месткома. Ведь все это чистейший, классический канцелярит. И обилие чужеродных иностранных слов – быть может, самая верная его примета, поистине самый «*характерный симптом*».

Не собираюсь, подобно ретроградам начала прошлого века, объявлять гоненье на все иностранное и вступаться за

«мокроступы». Со школьной скамьи нам памятны строки из «Евгения Онегина»:

Она казалась верный снимок

Du comme il faut ... (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.)

И еще:

...Всех этих слов на русском нет;

А вижу я, винюсь пред вами,

Что уж и так мой бедный слог

Пестреть гораздо б меньше мог

Иноплеменными словами,

Хоть и заглядывал я встарь

В Академический словарь.

Мораль, как говорится, ясна: иноплеменные слова и речения не грех вводить даже в самую высокую поэзию. Но – с тактом и с умом, ко времени и к месту, соблюдая меру. Ведь и сегодня многое, очень многое прекрасно можно выразить по-русски.

Общеизвестно: когда-то иностранные слова, особенно с латинскими корнями, приходили в нашу страну вместе с новыми философскими, научными, техническими понятиями и явлениями, для которых в русском языке еще не было своих слов. Многие прижились и давно уже не воспринимаются

как чужие. Но еще Петр I, который так рьяно заставлял домостроевскую Русь догонять Европу во всех областях, от кораблей до ассамблей, вынужден был запрещать чрезмерное увлечение иностранными словами. Одному из своих послов царь писал: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Век спустя на защиту родного языка встает В.Г.Белинский: «Употреблять иностранное, когда есть равносильное русское слово, значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус». Пройдет еще век, и на ту же тему В.Маяковский напишет «О фиасках, апогеях и других неведомых вещах»:

Чтоб мне не писать впустую оря, мораль вывожу тоже:
то, что годится для иностранного словаря, газете – не
гоже.

Казалось бы, если газете не гоже, то художественной прозе и поэзии уж и вовсе не к лицу. Но именно от газет (а затем и от радио, еще позже – от телевидения) пошло все шире, все напористей и в обыденную жизнь, и в литературу то, что годится лишь для иностранного словаря, для сугубо специальных статей и ученых трудов.

Не только в газетных статьях и очерках, но и в рассказах, и в романах счету нет этим самым *интуициям, результатам*

и моментам, всевозможным *дефектам, фиаскам и апогеям*.

Особенно легко эта словесная шелуха проникает в перевод. Переводчику непозволительно забывать простую истину: слова, которые в европейских языках существуют в житейском, повседневном обиходе, у нас получают иную, официальную окраску, звучат «иностранно», «переводно», неестественно. Бездумно перенесенные в русский текст, они делают его сухим и казенным, искажают облик ни в чем не повинного автора.

И вот скромные домашние хозяйки, трехлетние карапузы, неграмотные индейцы, дворяне, бюргеры, бедняки, бродяги, легкомысленные девчонки – все без разбору, во все века и эпохи, при любом повороте судьбы, в горе, радости и гневе, объясняясь в любви, сражаясь и умирая, говорят одним и тем же языком:

«Передо мной встает *проблема ...*»

«Это был мой последний *шанс ...*»

«В этот роковой *момент ...*»

И читатель не верит им, не видит и не ощущает ни радости, ни горя, ни любви. Потому что нельзя передать *чувство* языком протокола.

Вот тут и должен стоять на страже редактор! Нет, не писать за переводчика, а просто отметить слова-канцеляризмы грозной редакторской «галочкой» на полях. Ведь любому грамотному человеку нетрудно самому избавиться от этих словечек, найти простейшую замену:

«Передо мной трудная задача ...»

«Это была моя последняя надежда ...»

«В эту роковую минуту ...»

Нет, право же, трудно сочувствовать героине современного романа, если, огорченная неладными с любимым человеком, она не пытается *понять, что произошло*, а начинает *анализировать ситуацию*. Пожалуй, читатель не посочувствует, а усмехнется или зевнет. И как легко вовсе обойтись без этой самой *ситуации*! В крайнем случае довольно сказать – *обстановка, положение*. Не надо *анализировать*, можно *оценить, взвесить, обдумать*.

И в минуты сильного волнения, внезапного испуга или горя куда вернее человеку потерять не *контроль* (controls), а *власть над собой, самообладание*, утратить *хладнокровие*, даже – *потерять голову*!

Если о герое сказано, что *once more he was optimistic*, перевести надо не «он вдруг опять загорелся *оптимизмом*», а хотя бы: он снова *воспрянул духом*. Неуместно во внутреннем монологе: он на все смотрит слишком *пессимистически*. Вернее – смотрит слишком *мрачно, все видит сквозь черные очки* ...

И очень плохо – «он ощутил глубокую *депрессию*». В подлиннике-то *depression*, но по-русски все-таки *уныние*, а еще лучше просто: *он совсем пал духом*.

Женщина в трудную минуту немногими обыденными словами *резюмировала* то, что было у нее на душе, а надо бы:

выразила, высказала.

Человека, одержимого мучительной, неодолимой страстью, на миг «охватило *чувство какой-то экзальтации*». Право, ничуть не менее выразительно прозвучал бы *самозабвенный восторг*.

«Теперь, вооруженная... любовью, она прекрасно видела все возможные ходы, все соблазны и *альтернативы*. *Интуиция* подсказывала ей...» Неужели о чувствах, о глубинных душевных движениях не лучше сказать: она видела все соблазны и *распутья*, *чутье* подсказывало ей...

«Но с годами *такого рода импульсы* значительно потеряли в силе», – говорит старик, которому не грех бы выразиться проще: Но с годами *такие порывы* почти утратили надомной власть.

Другой герой действует, «повинуясь внезапному *импульсу*». Не лучше ли – *побуждению, порыву* или даже просто – *неожиданно для себя?*

Или вот о взаимоотношениях сестры с братом: «Выслушивая его *проекты*, она всегда умела подсказать какую-нибудь дополняющую или улучшающую их *деталь*». А вернее: Что бы он ни *задумал*, она всегда умела подсказать какую-нибудь *мелочь*, от которой его планы становились еще полнее и лучше.

Из разговора тех же сестры с братом о старике-отце: «Все же нам следует относиться к нему с *максимальной снисходительностью*, в последнее время я замечаю в нем разитель-

ную перемену».

Не естественней ли живому человеку сказать: «Нам надо быть *как можно снисходительнее* к нему, в последнее время он очень переменился»?

Мать боготворила новорожденного сына: «Видимо, он был для нее *компенсацией*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.